

Всплыли варяги

Москву вновь посетил выдающийся дирижер и пианист Владимир Ашкенази. В БЗК состоялся его концерт с Рейкьявским камерным оркестром.

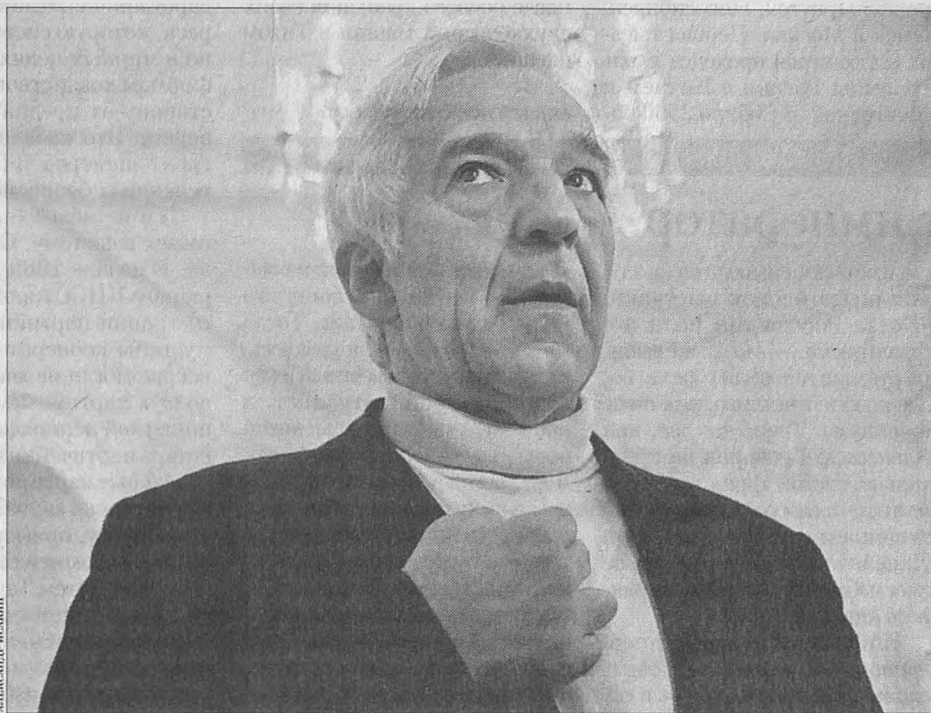
Сбылась его мечта — привезти сюда что-нибудь исландское. «Я уже 42 года женат на исландке, прожил там 10 лет. Люблю эту страну, где старые скандинавы, выжив в трудных природных условиях, создали равноправное общество высочайшего экономического и духовного уровня. Там каждый второй — поэт. Исландцы сами шутят, что солнце у них светит с подвеса до полчетвертого, поэтому все остальное время они занимаются поэзией».

Любимец публики со времен его победы на Втором конкурсе Чайковского, долгое время не был на родине. Ашкенази тем не менее глубоко связан с нашей культурой, больше, чем можно ожидать от человека, эмигрировавшего практически 40 лет назад. Например, в этом году он отметил годовщину смерти Прокофьева так, как не отметили в нашей стране. Оттолкнувшись от факта смерти великого композитора в один день со Сталиным, задумал цикл «Музыка и тоталитаризм» и провел концерты в Нью-Йорке, Лондоне, Токио, Париже, Праге и Берлине.

«Мы играли в один вечер сочинения, которые композиторы вынуждены были писать под давлением — и те, которые они не могли не сочинять. Например, в первом отделении исполнялась оратория «На страже мира» Прокофьева — и 13-я симфония Шостаковича на слова Евтушенко, которая в 1962 году очень подтачивала советский режим. В марте 63-го ее исполняли уже с измененными словами, а я в тот вечер играл в первом отделении Первый концерт Бетховена. Хорошо помню, как в зале сидели члены ЦК в черных костюмах и следили, чтобы все было в порядке...».

Не бывает у Ашкенази случайных программ. Не оттого ли у него в понедельникном концерте и стоял в программе тот самый Первый концерт Бетховена?

Ну и, конечно, исландское сочинение, специально написанное Торкелем Сигурбериссоном. Композитор в сюите Mosk («Мох») воспел суровую исландскую природу. Музыка шла неспешно, без пафосного напора. Однако мох — растение хоть

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ

Приезжая в Москву, Владимир Ашкенази оказывается в ореоле негасимой любви.

и неторопливое, но все же более прихотливое, чем Mosk, напоминающий картину исландского художника, увиденную на пресс-конференции в посольстве: тихая река в безлюдной, умеренно холмистой долине.

Ашкенази, однако, прекрасно воспитанный, умеющий быть благодарным и к тому же остроумный человек, преподнес необычное для этих стен сочинение о стране викингов чрезвычайно эффектно. Словно желая добавить ему плюсов, он обратился к публике с неким филологическим изысканием: «Mosk — это староваряжское слово. Я стал спрашивать друзей, откуда произошло название «Москва». Мне ответили: от татарского «темная, черная вода». Или от «москито» — комар. Но я подумал, что раз государство основывал скандинав Рюрик, может быть, он привнес сюда именно слово mosk».

Все это очень трогательно. Расстраивает только впечатление, что Владимира Ашкенази все менее интересует фортепиано как средство выражения его необыкновен-

ных талантов. Ни Первый концерт Бетховена, ни даже Девятый Моцарта с его божественной второй частью не выглядели ни по-настоящему драматичными, ни хотя бы трогательными (музыкант-уникум играл и дирижировал одновременно). Его блестящая, как иногда говорят, «врожденная» техника все еще на высоте, гаммы и трели безукоризненно скоры и ровны. Но сам он недаром сказал: «У меня нет времени на сольные концерты, для этого надо слишком много заниматься. Может быть, даже я никогда больше не буду играть».

Это самая неприятная новость. Неужели мечта услышать когда-нибудь «живьем» все его Этюды Шопена или Прелюдии и фуги Шостаковича ушла в темные воды несбыточного?

Но, по крайней мере, в следующий раз, в декабре этого года, москвичам обещана та самая «тоталитарная» программа. А это уже немало для нашей академической музыкальной жизни, скудной на новые идеи.

НАТАЛЬЯ ЗИМЯНИНА

Время МК-2003. — 28 мая — с. 11.